

Смерть как граница в творчестве Егора Летова

С фольклорной точки зрения смерть является второй важнейшей границей, которую переходит человек. Первая граница – рождение. Согласно народным представлениям, человек приходит из другого мира и в него же уходит. Этот мир расценивается как чужой, причем главное его свойство заключается в том, что все в нем как бы наоборот. Эти представления о приходе из другого мира и уходе в него подтверждаются, с народной точки зрения, тем, что как ребенок, так и старик обладают несомненными признаками «чужого» мира. Они не могут прямо ходить, как все люди, их речь неразборчива, у них нет зубов и так далее. Таким образом, можно сказать, что «свой» и «чужой» миры и их представители обладают рядом совершенно отчетливых характеристик.

Для русской рок-поэзии тема смерти всегда была одной из ключевых. Важное место она занимает и в творчестве Егора Летова, лидера группы «Гражданская оборона» и других проектов. Это понятие осмысливается в его текстах совершенно по-разному, но, несомненно, привлекает внимание именно противопоставление живых и мертвых, а также «нашего» и «того» мира, границей между которыми является смерть.

В раннем творчестве Летова смерть осмысливается скорее как таковая, как феномен. Существует восприятие смерти как некоторого физического и лишнего всякого сакрального смысла события. Так, герой Летова, идя по полю боя, так размышляет о мертвых, которые лежат вокруг: «Сначала я думал, что это колодцы, потом я подумал, что это могилы, а теперь я считаю, что это просто трупы валяются там и тут» или в тексте «Человека убило автобусом»: «В луже кровавого оптимизма валяется ощущение человека в телогрейке». В «Русском поле экспериментов» находим: «Набить до отказа собой могилу – это значит наследовать землю». Из этих фрагментов видно, что физически мертвый человек не воспринимается Летовым как одушевленное существо, это уже просто тело, объект. Однако в других текстах встречается и отношение к смерти как к важнейшему метафизическому событию: «Нестерпимое зловоние напомнило мне, что я смертен» или «Смерть застала его врасплох», а также песня «Оптимизм», где все события осмысляются как нечто, предшествующее неизбежной смерти.

Часто, особенно в ранних текстах, смерть предстает в образе некоторого фантастического существа, у которого «самодельное лицо из мокрой бумаги и мерзлой воды» и при виде которого живые существа падают замертво. Максимально персонифицированной смерть предстает в песне «Про дурачка», где в совершенно фольклорном ключе говорится: «Идет смерть по улице, несет блины на блюде, кому вынется, тому и сбудется; тронет за плечо, поцелует горячо – полетят копейки из-за пазухи долой».

У Летова есть образ, который неоднократно встречается в песнях и демонстрирует отношение к духовному и телесному и, кажется, объясняет отношение к смерти как явлению чисто физического порядка: «Души корешок, а тела ботва» из песни «Вершки и корешки» появляется позже в тексте «Прыг-Скок»: «Вырви корень вон! Прыг-скок, ниже кладбища, выше солнышка» и в тексте «Заговора»: «Мы все растем вглубь земли». В этом отношении также примечателен текст «Как в мясной избушке помирала душа».

Уже в самых ранних произведениях Летова прослеживается интересная особенность: слово «мертвый» изначально определяется не через физическое, а через духовное: «гении, мертвые духом» и «руки без души мертвы». Эта особенность заметна и в более позднем творчестве. Так, в тексте «Танец для мертвых» напрямую говорится о том, что мертвым можно быть, и не умирая фактически: «Труп гуляет по земле, шуршит газетой, лазит в интернет». В песне «Новогодняя песенка» он задает вопрос: «Сможем ли мы стать мертвее, чем сегодня? Сможем ли мы стать мертвее, чем сейчас?». В уже упомянутых «Вершках и корешках» есть примечательный фрагмент: «По дороге навстречу шел мертвый мужичок. Завтрак, ужин и обед, мужичок мертв, а мы еще нет». Напротив, встречается в текстах и другая точка зрения, которая заключается в том, что физическая смерть – это вовсе не смерть. Герой говорит: «я отрезал себе голову, я отравил себя ядом, я застрелил себя, и теперь мне смешно, ведь я так и не умер».

Противопоставление живых и мертвых у Летова, как можно заметить, неочевидно. Во всяком случае, достаточно трудно сказать, кто, с его точки зрения жив, а кто мертв. Сам Летов, отвечая на этот вопрос, идет «от противного»: в одном из самых показательных текстов, который так и называется «Мертвые», он перечисляет то, чего не делают мертвые. Интересно, что здесь понятиями одного порядка оказываются вещи как физического, так и духовного свойства: «Мёртвые не хвалят, не бранят, Не стреляют, не шумят, Мёртвые не сеют, не поют, Не умеют, не живут». Интересно, что эти характеристики равно подходят к описанию мертвых как таковых, физически – в нашем понимании этого слова, так и в том понимании, которое мы ранее уже встречали у Летова – мертвые духовно. Еще одна попытка осмысления этой проблемы представлена, как мне кажется, в тексте «Без меня», и снова толкование происходит через отрицание ряда вещей: герой Летова перечисляет все то, что будет без него: «На рассвете — без меня, На кассете — без меня, Без меня — за дверь, Без меня — домой, Без меня — теперь, Без меня — анекдот с бородой навсегда» и т.д.

Поскольку в текстах Егора Летова невозможно, таким образом, найти внятного пояснения, кто такие мертвые, а кто такие живые, то придется попробовать определить это посредством обнаружения каких-то противопоставлений. Важнейшее противопоставление с этой точки зрения – противопоставление между «нашим» и «тем» миром, границей между которыми становится смерть. Сначала посмотрим, как описывается «наш»

мир и его обитатели. «Внутри твоей реальности гуляют сквозняки, внутри твоего спокойствия летает экстремист, среди твоей свободы убивают и кричат. Я простудился, умер, мне спокойно и смешно, я иллюзорен со всех сторон». «В умах, роддомах и домах идет беззвучная война», «Посреди одинаковых стен, в гробовых отдаленных домах, в непроглядной ледяной тишине долгая счастливая жизнь». Жители этого уродливого, мрачного, «пластмассового», по выражению самого Летова, мира «сатанеют, умирают, превращаясь в топливо, игрушки, химикаты и нефть, отходы производства, мавзолеи и погоны». У людей, населяющих этот мир, «жизнь как промасленная бумага, мечты – как выстиранные пододеяльники, сны как противогаз». В целом, жизнь в нашем мире Летов сравнивает с «очередью за табаком у некурящего».

Что касается «другого», «того» мира, то это «мир без греха», мир фантастический, яркий, который никогда прямо не описывается как загробный, но всегда описывается в текстах, которые сопряжены с образами смерти. Такой мир, отчетливо противопоставленный нашему миру, встречаем в тексте «Офелии»:

Влюблённая Офелия плыла себе вдаль
Сияла ночь, звенела земля.
Стремительно спешили, никого не таясь
Часы в свою нелепую смешную страну.
Послушная Офелия плыла на восток
Чудесный плен, гранитный восторг.
Лимонная тропинка в апельсиновый лес,
Невидимый лифт на запредельный этаж.

Важным атрибутом «того» мира является яркое солнце – в противовес нашему миру, который всегда выглядит серым и мрачным («Очередь за солнцем на холодном углу»).

Но самое интересное, что наш мир, при кажущейся иллюзорности «того» мира, на самом деле очень хрупок и существует только до тех пор, пока существуем мы сами. Это – еще один мотив в творчестве Летова. «Мир держится на тебе, так держи его на себе», «Когда я умер, плевком замерзли дорогие конструкции», «Его уже нет. Так день за днем разрушается хрупкое строение».

Наконец, последнее. Ключевые черты двух миров и их обитателей выделены, но я пока не определила, какова же между ними граница и как она пересекается. Кажется, что в творчестве Летова граница – это какой-то сиюминутный момент, при чем то, что находится по обе ее стороны, очень условно. С одной стороны, за этой границей ничего больше нет, а с другой – подтверждая гипотезу о том, что смерть – это событие не только и даже не столько физического порядка – ничего нет на самом деле *перед* этой границей. Вот что сказано об этом у Летова: «Спета моя песенка, спета и услышана теми, кому солнечно, теми, кому всё». В тексте «Всё как у людей» он говорит: «Вот и всё, что было, не было и нету». Это перекликается со словами из песни «Родина-смерть» Романа Неумоева, которую также

исполнял Летов: «Смерть – это место для тех, кто жил». И, наконец, последнее: «Жили-были стариками-старухами все эти годы, все эти жизни ты да я да мы с тобой. А потом пришел Гаврила с трубой. Архангел Гаврила с огромной трубой».

*Сообщение было озвучено на семинаре «Тезаурус смерти в поэзии Летова»
22 октября 2014 года*